

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ВАЛЕРИИ ВЕРБИНИНОЙ —
МАСТЕРА ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ
ОСТРОСЮЖЕТНЫХ РОМАНОВ,
В КОТОРЫХ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ЛЮБВИ,
ИНТРИГАМ И ТАЙНАМ:

**Сериял «Амалия –
секретный агент императора»:**

Отравленная маска
В поисках Леонардо
Леди и одинокий стрелок
Ледяной сфинкс
Драма в кукольном доме
Убежище чужих тайн
Письма императора
Зеркало сновидений
Статский советник по делам обольщения
Чародейка из страны бурь
Путешественник из ниоткуда
Ход Снежной королевы
На службе Его величества
Похититель звезд
Ветреное сердце Femme Fatale
Званый ужин в английском стиле
Заблудившаяся муза
Сапфировая королева
История одного замужества
Эхо возмездия
Миллион в воздухе
Вуаль из солнечных лучей
Золотая всадница
Одна ночь в Венеции

Девушка с синими гортензиями
Аквамаринное танго
Черная невеста

Любовно-исторические:

Рыцарь темного солнца
Принцесса морей
Синее на золотом
Замок четырех ветров
Ангелов в Голливуде не бывает
Тайны Баден-Бадена

Сериял «Адьютанты удачи»:

Адьютанты удачи
Бриллиант Фортуны
Фиалковое зелье

Любовно-криминальные:

Черный нарцисс
Ее любили все
Самый лучший вечер
Разбитое сердце богини
Сиреневый ветер Парижа
Смерть ей не к лицу
Где-то на земле есть рай
Кольцо с тайной надписью

ВАЛЕРИЯ
ВЕРБИЦЫНА

ЗАМОК
ЧЕТЫРЕХ
ВЕТРОВ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Оформление серии *С. Курбатова*

Вербинина, Валерия.
В31 Замок четырех ветров : [роман] / Валерия Вербинина. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с. — (Любовь. Интрига. Тайна)

ISBN 978-5-04-097812-0

Замок Фирвинден, принадлежащий древнему роду Рейтерн, всегда пользовался у местных жителей дурной славой. А все из-за призраков, обитающих в его стенах и не дающих покоя никому из живущих в замке. Если верить легендам, призраки являются перед большими несчастьями, и если кому-то не посчастливилось их увидеть, он вскоре умрет. Но юная Анастасия Ланина и ее отец, скромные почтовые служащие, не верили в привидения, поэтому охотно приняли приглашение пожить в замке, после того как их дом сгорел. Но они... тоже стали видеть и слышать призраков! Анастасия решила разоблачить обман, ведь она была уверена, что все потусторонние явления — просто чей-то ловкий трюк. А компанию ей составил граф Рейтерн, молодой хозяин замка, внезапно нагнавший в свое родовое гнездо...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вербинина В., 2018
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097812-0

Глава 1

Родственные узы

Мне хочется начать свой рассказ с того весеннего дня, когда я впервые приехала в Митаву. Шел одиннадцатый час утра, когда состав, пыхтя и изрыгая пар, подкатил к перрону и остановился. Со мной был только один небольшой чемодан, и, поудобнее перехватив его ручку, я двинулась к выходу из вагона.

Пассажиры, встречающие, носильщики, от услуг которых я отказалась, красно-бурое здание вокзала, и, наконец, привокзальная площадь, на которой стоят извозчики.

— Барышня! Фрейлейн! Доставлю, куда вам угодно...

Я заколебалась. Дом, в котором жила тетка, находился довольно далеко от вокзала, и извозчик бы мне не помешал.

— Сколько? — спросила я.

— Пятнадцать копеек по городу. За город — дороже...

Я посмотрела на чемодан, словно он мог помочь мне решить, брать извозчика или нет. Утром я заплатила за билет третьего класса от Риги до Митавы 44 копейки,

а ведь на билет до Риги от Двинска тоже пришлось потратиться...

— Спасибо, — сказала я наконец, — пройдусь пешком.

Шел первый месяц весны, и прекрасная погода располагала к прогулке, хотя для меня эта прогулка получилась скорее вынужденной. Дом тетки находился на Лилиенфельдской улице, и, как я поняла из ее письма, если двигаться от вокзала напрямик вдоль реки, то в конце концов как раз попадешь в нужное место. Но когда идешь по Александровскому проспекту, который переходит в Дворцовую улицу, реки за домами не видно. Сама улица упирается в Рыночную площадь, на которой в то утро царила сутолока, тянулись бесконечные возы и телеги, ходили покупатели, которые приценивались к товару и торговались на нескольких языках. Устав пробираться сквозь толпу, я свернула на Большую улицу, так как решила, что она выведет меня к реке, но она увела меня совсем в другую сторону, и вскоре я оказалась возле Яковлева канала. Канал окончательно сбил меня с толку — я подумала, что уж он-то точно должен идти к реке, но на самом деле он с ней не связан. Не меньше получаса я шла вдоль него, но, поняв, что он ведет не в город, а из города, остановилась. Чемодан за все время моих блужданий по Митаве словно стал во много раз тяжелее весом и уже порядком оттягивал руку. Не выдержав, я поставила его на землю и села на него.

Ну что мне стоило взять извозчика, в самом деле? Если бы не безденежье, которое вынуждает экономить каждый грош... ах, если бы не оно!

Время близилось к полудню, на воде канала вспыхивали золотые блики, по каналу медленно плыла лодка. В лодке сидел человек — сейчас, к стыду моему, я не вспомню ни его лица, ни примет. Приблизившись, он вынул изо рта

длинную трубку и сначала по-немецки, а затем на ломаном русском спросил, не нужна ли мне помощь.

— Я ищу Лилиенфельдскую улицу, — призналась я. Мой собеседник изумился.

— Вы совсем не там ее ищите... Смотрите, вам надо вдоль канала вон туда, — он показал рукой, куда именно, — канал приведет вас на Писарскую улицу, вы идите по ней и дальше, пока слева не увидите Зеештрассе... Озерную улицу. Справа будет рынок, слева та улица, которая вам нужна. Поворачиваете на Озерную улицу и дальше прямо, после нее и начинается Лилиенфельдская. Но лучше возьмите извозчика, — прибавил он, — все-таки вам далеко идти.

Я от души поблагодарила собеседника, встала и взяла чемодан. Теперь, когда я точно знала дорогу, блуждания по незнакомому городу уже не казались такими мучительными. Кажется, на Писарской улице я впервые обратила внимание на то, что вывесок на немецком языке было едва ли не больше, чем на русском, что неудивительно, так как Митава — главный город Курляндской губернии, долгое время тяготевшей к Германии, и половину населения в ней составляют немцы. До того как я приехала сюда, мне почему-то казалось, что в облике Митавы будет проглядывать что-то французское — недаром же в ней долго жил изгнанный французский король и выходила замуж дочь несчастной Марии Антуанетты¹. Но французского я не заметила ровным счетом ничего, и даже

¹ Изгнанный король — Людовик XVIII (1755–1824), которому из-за французской революции и Наполеона пришлось долго дожидаться престола, несколько лет провел в Митаве. Дочь Марии Антуанетты — Мария Тереза (1778–1851), вышедшая замуж в Митаве в 1799 году за герцога Ангудемского.

парфюмеры с парикмахерами, судя по их вывескам, были сплошь немцы. На Озерной улице я уточнила у городского, правильно ли я иду к Лилиенфельдской улице, и, услышав, что до нее осталось не так уж много, двинулась туда, где меня ждала встреча с теткой и ее семьей.

Улица, о которой идет речь, расположена на окраине города. Название ее, как я позже узнала, происходит от выражения «поле, на котором растут лилии», но если там когда-то и водились эти цветы, то от них не осталось и следа к тому моменту, когда я впервые ее увидела. Тетка жила в небольшом домике с черепичной крышей, принадлежавшем ее мужу — третьему по счету, если быть точной. Я постучала в дверь; открыла горничная.

— Я Анастасия Ланина, — сказала я. — Дарья Семеновна знает о моем приезде.

Горничная посмотрела на меня, на мой коричневый чемоданчик и снова перевела взгляд на мое лицо. Она словно колебалась, впускать меня в дом или нет, и, не стану скрывать, меня это озадачило.

— Они не ждали вас сегодня, — наконец нехотя выдавила из себя горничная. По-русски она говорила с небольшим, но все же заметным акцентом.

Она посторонилась, пропуская меня, — а потом, заперев дверь, как-то очень ловко пробралась между мной и дверью в комнаты, пока я снимала шляпку, перчатки и пальто. Горничная была раза в три шире меня, и то, как она стояла, словно загораживая от меня дверь в гостиную, мне не понравилось.

— Подождите здесь, фрейлейн, — сказала горничная.

И удалилась, плотно прикрыв за собой дверь.

Я не считала себя обидчивой (хотя кто из нас не обидчив в 17 лет?), но такое поведение меня все же задело. В голове у меня даже мелькнула мысль, что Митава, пре-

вратившаяся в лабиринт, который уводил меня далеко от цели, на самом деле жалела меня, потому что знала, какой прием мне предстоит. Впрочем, тотчас сказала я себе, все это мои фантазии, развившаяся от чтения книг привычка находить скрытые смыслы там, где их нет. Любой может заблудиться в городе, в котором он не бывал прежде, и это ровным счетом ничего не значит.

Но тут передо мной вновь возникла горничная, с поклоном выхватила у меня пальто и перчатки (шляпку я успела положить на стоявший возле меня низенький комод), очень ловко убрала их и помогла мне снять обувь, хоть я и сказала, что разуюсь сама.

— Прошу, фрейлейн... Сюда!

И я оказалась в гостиной, где стояли этажерки с какими-то фарфоровыми безделушками, на столе лежали немецкие газеты с готическим шрифтом, а с синего дивана мне навстречу поднималась тетушка Дарья Семеновна, протягивая обе руки.

— Настенька! А мы думали, ты приедешь позже... Почему ты нас не предупредила? Мы бы тебя встретили! Твой отец часто о тебе писал... Я так рада тебя видеть! Нам столько надо обсудить... Мария! Приготовь комнату для нашей гостьи...

Она тараторила без умолку, не ожидая ответа. Передо мной была дородная, энергичная дама лет 50, с темными волосами без намека на седину и румянцем во всю щеку. Если бы я не знала, что ее отец был скромным служащим министерства путей сообщения, я бы заподозрила, что он был военный не ниже полковника — настолько в его дочери ощущался командирский дух. Не прошло и минуты, как вокруг хозяйки дома все пришло в движение; казалось, еще немного, и стулья со столом, и этажерки с фарфоровыми фигурками сорвутся с места и начнут кружиться в воздухе. Горничная получила два десятка

точнейших указаний и убежала их выполнять; на ее место был вызван слуга, которому поручили передать кухарке, что обед надо готовить на троих человек, после чего началось подробное обсуждение самого обеда на немецком, которым я не владела. Наконец Дарья Семеновна утомилась и взмахом руки отпустила слугу, который с поклоном удалился.

— Вот так-то, — неизвестно к чему промолвила тетка, опускаясь на диван и пытливо глядя на меня. — Домашние дела требуют внимания, чуть зазевался и... Ты ведь любишь курицу?

Ее слова напомнили мне о том, что я проголодалась, и я ответила утвердительно; впрочем, сейчас я бы не отказалась от любой пищи.

— Придется только подождать Густава, а он будет не раньше четырех, — вздохнула тетка. — Он сейчас в Либаве, по делам... Ну, присаживайся, что же ты стоишь? Рассказывай: как Михаил, что с ним?

Михаилом звали моего отца, который приходился Дарье Семеновне двоюродным братом. Когда они еще были детьми, их родители много общались, но потом жизнь как-то незаметно развела родственников. Дарья Семеновна рано вышла замуж, но ее первый муж, как утверждали злые языки, пил больше, чем следует, и лет через пять она стала вдовой. Должно быть, она сумела учесть ошибки прошлого, потому что ее второй муж даже не приближался к выпивке. Она родила ему трех сыновей и, судя по всему, была вполне счастлива, но счастьем пришел конец, когда супруг погиб в результате несчастного случая. После этого Дарья Семеновна посвятила себя детям. Время идет быстро: не успеешь опомниться, как старший сын уже женат, средний поступает на службу в губернское правление, а младший отправляется учиться в университет. И вот тут-то на

ее пути и возник Густав Эссен, солидный торговец из Митава, которого ветры судьбы занесли в Орловскую губернию — занесли, судя по всему, лишь для того, чтобы он увидел румянец Дарьи Семеновны, ее пышный стан, услышал ее громкий голос и влюбился, хотя ему было уже сорок с лишком лет.

— Замуж в третий раз — да ни за что! — помнится, написала Дарья Семеновна моему отцу.

Однако, как истинная женщина, слова не сдержала: обвенчалась со своим Густавом, дом оставила на среднего сына, а сама перебралась в Митаву, к мужу.

...И вот я сижу напротив нее на краешке стула, чинно сложив руки на коленях, и не знаю, что сказать.

— У отца все хорошо, — наконец промолвила я. — Он получил новое назначение...

— Куда?

— В Шёнберг.

— В Шёнберг? — изумилась моя собеседница. — Это который в Бауском уезде, что ли? Да ведь это дыра!

— Тетушка...

— Я понимаю, был бы город... Вот Орел — город! Петербург — город! — Так как она родилась в Орле, то ничего удивительного, что она ставила его перед столицей Российской империи. — Митава — город! А Шёнберг — что это такое? Неужели твой отец не мог добиться, чтобы его перевели на более приличное место?

Я закусила губу.

— Он просил, чтобы его отправили куда-нибудь подальше от Иллукста, — наконец выдавила я из себя.

— А что твоя мать? Не одумалась?

Я побагровела.

— Она... Нет.

Тут, пожалуй, стоит сказать, что мой отец, Михаил

Арсеньевич Ланин, после неоднократных попыток найти свое место в жизни поступил на службу в почтово-телеграфное ведомство. Некоторым его сотрудникам удается сделать карьеру, не покидая конторы в большом городе, но мой отец к числу этих сотрудников не принадлежал. Раз в несколько лет его переводили с места на место, и мы, его семья — мать, я и младший брат Саша, — были вынуждены следовать за ним. Не скажу, чтобы эти переезды были затруднительны или неприятны, но одним из их следствий было то, что я училась урывками и так и не смогла получить хорошего образования. Жили мы в уездных городах Смоленской губернии — в Дорогобуже, Рославле, Поречье, а еще какое-то время провели в деревне с дивным названием Блинные Кучи, где незадолго до нашего приезда открылось новое почтовое отделение. Мать, конечно, мечтала о том, чтобы отца перевели в Смоленск, откуда была родом она сама и где жила вся ее родня. Она возлагала на возвращение в город своего детства большие надежды; но к Смоленскому почтово-телеграфному округу также относятся почтовые отделения в Иллуксте и Гриве, находящиеся в Курляндии, и года два тому назад отец получил назначение в Иллукст. Хорошо помню, что, узнав об этом, моя мать не выдержала и устроила отцу то, что в романах именуется «сценой». В жизни, впрочем, никто не бил посуду, не заламывал рук и даже не особенно кричал; мою мать просто возмущало, что отец не может — «как все люди» — как-нибудь так «устроиться», чтобы получать приличное жалованье и не переезжать с места на место.

— Настеньке скоро о замужестве думать надо! А Саше — учиться! Мотаемся по губернии, как проклятые, угла своего не имеем... теперь вот Курляндия какая-то... О боже мой!

Мой отец попытался терпеливо втолковать ей, что

если он поедет в Иллукст, его повысят до помощника начальника почтовой конторы, а значит, он будет получать больше жалованья.

— А Тадышев в твои годы уже начальник конторы! — вырвалось у матери. — Да еще в Смоленске, и ему не надо скитаться по уездным городам...

Позже я не раз вспоминала эту ссору, которая стала как бы предвестием последующих событий. Конечно, мы собрались и переехали в Иллукст; хоть и уездный центр, официально он числился не городом, а всего лишь местечком. Жить там было не так уж плохо, неподалеку находился большой женский православный монастырь, мать помогала отцу разбирать письма, поступающие на почту, а потом туда пришел за каким-то заказным пакетом помещик Колесников. Обменялся с моей матерью ничего не значащими фразами, затем зашел еще раз, и еще один, а через некоторое время мать забрала Сашу и ушла из семьи.

Любое местечко являет собой пример достаточно замкнутого мира, и, разумеется, случившееся в нашей семье дало пищу для множества пересудов. И вот ведь что интересно: не был Колесников гусарским поручиком, не слыл донжуаном и вообще до поры до времени ничьих сердец не разбивал; внешности самой обыкновенной и даже по возрасту чуть старше, чем мой отец. Ничего, ну ничего в Колесникове не было такого (казалось мне), чтобы из-за него уходить из семьи. Добродушный, немножко рыхлый, с рыжеватыми усами, — одним словом, человек как человек. Захоти я на этих страницах изобразить его злодеем, посягнувшим на покой домашнего очага, мне бы пришлось прибегнуть к самым черным краскам, но изображенный ими в итоге оказался бы вовсе не тем вполне заурядным существом,

которое разрушило нашу крепкую — как я верила — семью.

На лестнице унижения много ступеней, и в той ситуации мы с отцом прошли их все: попеременно искали встреч с матерью, уговаривали ее одуматься, пытались напомнить ей, как нам было хорошо вместе... Как-то раз отец сказал мне, что жалеет о том, что он не дворянин и не может вызвать Колесникова на дуэль. Он измучился, и мне было больно глядеть на него. Поэтому я была рада, когда он завел разговор об отъезде.

— Я попрошу Ивана Яковлевича, — это был начальник почты в Иллуксте, — чтобы он похлопотал за меня... Согласен на назначение куда угодно, только подальше отсюда!

Но на тот момент свободной вакансии помощника начальника в Смоленском почтово-телеграфном округе не оказалось. Имелось одно место в соседнем Рижском почтово-телеграфном округе, к которому относится почти вся Курляндия, и потребовались дополнительные бюрократические формальности, чтобы отца в конце концов перевели туда.

О том, что в Митаве живет его двоюродная сестра, я знала уже давно, но долгое время общение нашей семьи с ней ограничивалось обменом короткими письмами два или три раза в год. Когда же стало ясно, что никакой семьи больше нет, Дарья Семеновна прислала длинное послание, в котором предлагала забрать племянников (то есть меня и Сашу) к себе. Впрочем, Саша остался с матерью, и у отца не хватило духу возражать — он знал, как мой брат к ней привязан. Я же, напротив, всегда была «папиной дочкой».

— Может быть, тебе действительно будет лучше в Митаве? — нерешительно заметил отец, прочитав вслух ту часть письма, которая касалась меня. — Губернский

город — это губернский город, а Шёнберг — всего лишь небольшое местечко.

— Но я совсем не знаю Дарью Семеновну, — сказала я. — Какая она?

— Какая? — Отец усмехнулся. — Ну, она... Мне кажется, она совсем не плохая. Впрочем, может быть, я ничего не понимаю в женщинах...

Облачко набежало на его лицо. О чем бы он ни заговаривал, он всегда рано или поздно начинал думать о той, которая променяла его на помещика с рыжими усами.

Мне не хотелось оставлять отца одного. С другой стороны, я слышала о Митаве и была не прочь съездить туда. В конце концов мы условились с отцом, что он отправится в Бауск, а я по железной дороге доберусь до Митавы, пообщаюсь с двоюродной теткой и уже на месте решу, останусь ли жить в ее доме или нет.

— Три дня тебе хватит, чтобы принять решение? Мне все равно придется задержаться в Бауске. Если решишь ехать, вышли мне телеграмму только из одного слова: «Еду». Тогда я подожду, когда ты приедешь в Бауск, и поедем в Шёнберг вместе. Если останешься в Митаве, ничего не высылай.

— А на чем мне добираться до Бауска, если я все-таки решу уехать?

Этот вопрос пришлось разъяснять дополнительно, так как между Митавой и Бауском все-таки целых 43 версты. Впрочем, выяснилось, что из Митавы в нужном мне направлении ежедневно отходят дилижансы, но поездка в один конец обойдется куда дороже железнодорожной.

Итак, из Иллукста в Двинск, дальше по железной дороге до Риги, ночь в дешевой гостинице, утренний поезд от Риги до Митавы — и вот я сижу в домике с черепичной крышей на улице с цветочным названием, где нет цветов.